

Научная статья

УДК 327(470+510)

EDN VTDEQM

DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(4).305-317

Перспективы российско-китайского сотрудничества в контексте Большого Евразийского партнерства

Е.А. Данилова

Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

Дата поступления:

21.11.2024

Дата принятия к печати:

13.12.2024

Дата онлайн-размещения:

21.12.2024

Аннотация. Россия и Китай являются государствами-лидерами на международной арене, формирующими многополярный мир и имеющими собственные внешнеполитические интеграционные проекты (стратегии), направленные на Евразийский континент. Стержнем отечественной обновленной концепции внешней политики с Россией в качестве ключевого центра Евразии является формирование Большого Евразийского партнерства (БЕП). Лидеры России и Китая выражают нацеленность на параллельное и скоординированное формирование БЕП и китайской инициативы «пояс и путь». Вместе с тем, параллельное развитие самостоятельных проектов на евразийском пространстве предполагает их пересечение, наложение друг на друга, допускает поглощение одного проекта другим. В статье рассмотрены перспективы развития российско-китайского сотрудничества и национальных интеграционных проектов, выдвинуты тезисы относительно сдержанного развития взаимодействия в практическом поле, даны рекомендации по преодолению сложностей и повышению эффективности сотрудничества.

Ключевые слова. Большое Евразийское партнерство (БЕП), «пояс и путь», ЕАЭС, Россия, Китай, Евразия, внешняя политика, интеграционные проекты.

科学文章

大欧亚伙伴关系背景下中俄合作前景

E.A. Danilova

莫斯科国立大学,
莫斯科市, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2024年11月21日

出版日期: 2024年12月13日

网上出版日期: 2024年12月21日

摘要: 俄罗斯和中国是国际舞台上的领先国家, 形成了一个多极世界, 并针对欧亚大陆制定了各自的外交政策一体化项目 (战略)。以俄罗斯为欧亚大陆重要中心的国内新外交政策理念的核心是建立大欧亚伙伴关系。俄罗斯和中国领导人都表示, 他们的工作重点是同时协调建立大欧亚伙伴关系和中国的“一带一路”倡议。与此同时, 欧亚空间独立项目的平行发展意味着它们的重叠、重合, 并允许一个项目被另一个项目吸收。文章对俄中合作与国家一体化项目的发展前景进行了思考, 提出了在实际领域中制约互动发展的论点, 并就克服困难、提高合作效率提出了建议。

关键词: 大欧亚伙伴关系, 一带一路, 欧亚经济联盟, 俄罗斯, 中国, 欧亚, 对外政策, 一体化项目。

Original article

Prospects for Russian-Chinese Cooperation in the Context of the Greater Eurasian Partnership

E.A. Danilova Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Received: 2024 November 21

Accepted: 2024 December 13

Available online: 2024 December 21

Abstract. Russia and China are leading states in the international arena, forming a multipolar world and have their own foreign policy integration projects (strategies) aimed at the Eurasian continent. The core of the domestic updated concept of foreign policy with Russia as the key center of Eurasia is the formation of the Greater Eurasian Partnership (BEP). The leaders of Russia and China express their focus on the parallel and coordinated formation of the BEP and the Chinese “One Belt and One Road” initiative. At the same time, the parallel development of independent projects in the Eurasian space implies their intersection, overlapping each other, and allows one project to be absorbed by another. The article examines the prospects for the development of Russian-Chinese cooperation and national integration projects, puts forward theses regarding the restrained development of interaction in the practical field, and gives recommendations for overcoming difficulties and increasing the effectiveness of cooperation. As one of the observations regarding the slow disclosure of the potential of cooperation, the author notes the imperfection of the methodological approach of the state apparatus. Original approaches to this conclusion are proposed.

Keywords. Greater Eurasian Partnership (BEP), “Belt and Road”, EAEU, Russia, China, Eurasia, foreign policy, integration projects.

Введение

Одним из приоритетов российской внешней политики является углубление отношений с Китаем. Россия нацелена на дальнейшее укрепление отношений *всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия* с Китайской Народной Республикой.

Россия и Китай являются государствами-лидерами на международной арене, формирующими многополярный мир, и имеют собственные внешнеполитические интеграционные проекты (стратегии), направленные на евразийский континент:

1. Китайская инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП), выдвинутая Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином в 2013 г.;

2. Большое Евразийское партнерство (БЕП) — конкретная, практическая инициатива Президента Российской Федерации В. В. Путина, впервые озвученная более десяти лет назад на Валдайском клубе и выдвинутая в его послании Федеральному собранию в 2015 г. в целях

формирования широкого интеграционного контура на евразийском континенте.

Формирование Большого Евразийского партнерства (БЕП) на евразийском пространстве с Россией в качестве ключевого центра является стержнем обновленной Концепции внешней политики России, утвержденной указом Президента 31 марта 2023 г. (далее — Концепция ВП РФ). Согласно Концепции, Россия стремится к преобразованию Евразии в единое общееконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания. БЕП опирается на ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, сопряжение планов ЕАЭС и ОПОП, сохранение участия всех государств и объединений континента¹.

Во время визита Си Цзиньпина в Москву весной 2023 г., лидеры государств приняли Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. // Президент России : офиц. сайт. URL : <http://kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/70811>

направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 г., согласно которому стороны подтверждают нацеленность на параллельное и скоординированное формирование Большого Евразийского партнерства и строительство «Одного пояса, одного пути» в интересах развития двусторонних и многосторонних интеграционных процессов на благо народов евразийского континента².

Следует отметить, что параллельное развитие самостоятельных проектов на евразийском пространстве предполагает их пересечение, наложение друг на друга. Вероятно, в этой связи в динамике наблюдается различное позиционирование с точки зрения паритетности проектов или лидирующей позиции одного по отношению к другому (один как часть другого).

Отметим, что вопросы развития Большого Евразийского партнерства (БЕП), ранее уже рассматривались В.Е. Петровским [1], институциональное взаимодействие по вопросу БЕП в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), освещалось С.Г. Лузяниным и А.Ф. Клименко [2], возможное региональное влияние и интересы России в рамках БЕП выявил Д.П. Новиков [3].

Цель статьи состоит в определении перспектив российско-китайского сотрудничества в контексте формирования Россией Большого Евразийского партнерства и условиях пересечения интересов России и Китая на евразийском пространстве. Для достижения поставленной цели следует обрисовать общий контур текущего статуса российско-китайского взаимодействия, концептуально описать стратегическое значение евразийского вектора внешней политики в интерпретациях России и Китая, механизмы реализации государствами своих стратегий, выявить межгосударственные и внутренние факторы, влияющие на скорость и достижимость сближения государств и их политических инициатив, дать предложения в части реализации сотрудничества России и Китая, продемонстрировать эффективность альтернативных подходов к развитию международных проектов России и сформировать результаты (в том числе, промежуточные), которые могли бы стать основой для управленческих решений.

² Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года : от 21 марта 2023 г. // Президент России : офиц. сайт. URL : <http://www.kremlin.ru/supplement/5919>.

Евразийский вектор внешней политики в интерпретации России

Евразия является геополитическим сосредоточением широкого спектра российских стратегических интересов, присутствуют углубление отношений добрососедства и формирования пространства безопасности, торгово-экономическое развитие, культурное взаимообогащение за счет географически тесных контактов, реализации гуманитарных проектов, естественных коммуникаций народов, а как следствие — развитие научно-исследовательской сферы. Стимулирование развития взаимоотношений на евразийском континенте подкрепляет уровень влияния России не только на континенте, но и на мировой арене, одновременно укрепляя магистральную тенденцию формирования многополярного мира. Внешнеполитические интересы, в свою очередь, обеспечивают и внутреннее социально-экономическое развитие страны на базе формирования транспортно-логистической и торговой инфраструктуры.

Реализация евразийской политики воплощается Россией сразу на нескольких уровнях, с асинхронной глубиной институционализации. С одной стороны, Россия является системообразующим ядром интеграционных объединений — СНГ, Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Союзного государства России и Белоруссии (СГ РФ РБ); ключевым звеном многосторонних структур и форумов — ШОС, БРИКС, Азиатского Банка Развития (АБР), Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) и Черноморского банка торговли и развития (ЧБТР), межгосударственного взаимодействия в отношении Каспийского моря.

Если представить себе шкалу, на которой проекты сотрудничества будут размещены по признаку преваширования политических или экономических факторов в основании их взаимосвязанности, особо выделяется ЕАЭС, занимающая крайнюю позицию в пользу экономической компоненты. Проект ЕАЭС институционально развит, имеет разветвленную нормативную базу и охватывает торгово-экономическую и социально-экономическую сферы. Следует отметить, что из Договора о ЕАЭС полностью исключена гуманитарная интеграция, тем не менее, в период своего председательства в ЕАЭС в 2023 г., Россия представила широкие перспективы сотрудничества в культурной сфере и

повышения публичной привлекательности ЕАЭС для гражданского населения [4].

Современные политические нарративы вышли за пределы евразийской интеграции в понимании ЕАЭС и с опорой на Союз предполагают формирование Большого Евразийского партнерства. БЕП — это особая форма развития регионального сотрудничества в Евразии, флагманский проект, нацеленный на то, чтобы соединить различные региональные площадки, в том числе региональные международные организации.

Общие подходы, касающиеся принципов функционирования БЕП, изложены в ключевых документах стратегического планирования, затрагивающих международную деятельность Российской Федерации.

В настоящий момент БЕП существует на уровне концепции и его позиционирование не предусматривает оформления в форме договора или институционализацию на уровне национальных или международных структур. Вместе с тем, Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно поручал проработать вопрос о конкретных путях продвижения идеи БЕП.

Согласно аналитике МИД России, особый акцент будет поставлен на заключении многосторонних и двусторонних соглашений о свободной торговле, а с точки зрения отраслевой структуры БЕП могло бы включать следующие компоненты:

- сеть международных торговых и инвестиционных соглашений;
- общее транспортное пространство;
- единую сеть экономических коридоров и зон развития;
- цифровое измерение;
- энергетическое пространство;
- финансовое измерение³.

Евразийский вектор внешней политики в интерпретации Китая

Китай продвигает на международной арене «гибкие» международные партнерства, характеризующиеся рядом особенностей, в числе которых отсутствие жестких обязательств, ситуативность, т.е. «собираемость под конкретные задачи» [5].

Идея «пояса и пути» возрождает древний караванный путь, соединявший Китай с Европой

³ О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL : https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/

через Центральную Азию⁴. Данную инициативу — идею создания «пояса и пути» — Председатель КНР впервые озвучил в сентябре и октябре 2013 г. во время визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии (впервые — в Казахстане; сухопутный проект «Экономический пояс Шелкового пути»; далее в Индонезии — «Морской Шелковый путь»). Инициатива связана с попыткой сформировать собственный, крупный, аналогичный проектам лидеров прошлых лет, внешнеполитический проект⁵.

Согласно официальному документу, закрепившему описание концепции ОПОП, в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути» планируется создать несколько экономических коридоров: Евразийский: Китай — Монголия — Россия, Западно-Азиатский: Китай — Пакистан, Китай — Индия, Китай — Юго-Восточная Азия. Ориентировочные сроки реализации проекта — 30 лет. Ключевыми точками сухопутного экономического пояса станут Сиань (Китай), Алматы (Казахстан), Бишкек (Киргизия), Самарканд (Узбекистан), Тегеран (Иран), Стамбул (Турция), Москва (Россия) и Дуйсбург (Германия)⁶.

По мнению Си Цзиньпина, сухопутный проект поможет решить пять основных задач:

- усилить региональную экономическую интеграцию,
- реализовать строительство единой трансазиатской транспортной инфраструктуры,
- ликвидировать инвестиционные и торговые барьеры,
- повысить роль национальных валют,
- углубить сотрудничество в гуманитарной сфере⁷.

Морской Шелковый путь реализуется по двум водным маршрутам, главными портами

⁴ «Один пояс, один путь»: что нужно знать о проекте // Коммерсантъ. 2023. 18 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (дата обращения 03.04.2024)

⁵ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века. // Госкомитет по делам развития и реформ КНР, Министерство иностранных дел КНР, Министерство коммерции КНР с санкции Госсовета КНР — 2015 г. URL : <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> ; Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы "Один пояс и один путь". // Синьхуа Новости. 2017. Июнь. URL : https://russian.news.cn/2017-06/20/c_136381457.htm

⁶ «Один пояс, один путь»: что нужно знать о проекте // Коммерсантъ. 2023. 18 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (дата обращения 03.04.2024)

⁷ «Один пояс, один путь»: что нужно знать о проекте // Коммерсантъ. 2023. 18 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (дата обращения 03.04.2024).

станут Ханой (Вьетнам), Джакарта (Индонезия), Куала-Лумпур (Малайзия), Калькутта (Индия), Найроби (Кения), Афины (Греция) и Венеция (Италия). Первое направление — из провинции Фуцзянь (г. Фучжоу), через Гуанчжоу (провинция Гуандун), остров Хайнань, Малайзию и Индонезию (Малаккский пролив), Индийский океан, огибая Африканский рог в Кении, Красное море, выходит в Средиземное море. Второе направление — из китайских портов маршрут идет в Тихий океан (южная часть).

Вопреки распространенной ассоциации «Шелкового пути» только с транспортно-логистическими коридорами, истинное значение Шелкового пути гораздо шире и во многом связано с взаимным обогащением культур, развитием идей и человечества. Именно сквозь призму этого понимания важно рассматривать современные подходы Китая к теории международных отношений и внешней политики, понимая, что инициатива «пояса и пути» является идеологической основой вызревающей китайской теории международных отношений, в которой ключевой акцент сделан не на логистику, а на формирование «сообщества единой судьбы». Строительство «пояса и пути» — стратегическое решение ЦК КПК и Госсовета КНР, нацеленное на создания новой экономической системы открытого типа [6].

Согласно Закону о внешних сношениях Китайской Народной Республики⁸, принятому на третьем заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва 28 июня 2023 г., Китайская Народная Республика настаивает на содействии качественному развитию инициативы «пояс и путь», которая стремится поддерживать многостороннюю торговую систему, выступает против унилатерализма и протекционизма и работает над построением открытой глобальной экономики (ст. 26).

Китай сосредоточился на выстраивании партнерских отношений, ставя во главу угла политику невмешательства, в областях, которыми США пренебрегали, в большей степени опираясь не на программный подход, а на методологию рационального мышления, сосредоточившись на реализации перспективных для всего человечества сфер, в частности, реализации Повестки устойчивого развития, выработанной ООН [7].

Выдвинутая Китаем инициатива «пояса и пути», развивается без оформления в какую-

либо организацию или иной институт, не имеет штаб-квартиры или иной организации, осуществляющей функции аппарата инициативы, за исключением Фонда Шелкового пути, осуществляющего инвестиции в зарубежные энергетические и инфраструктурные проекты. Единственным формализующим элементом является Форум «Один пояс — один путь», проводившийся в 2017, 2019 и 2023 гг.⁹

Китай поощряет и спонсирует различные проекты, преимущественно сельскохозяйственные и инфраструктурные, реализуемые под эгидой ОПОП. Часто, данный аспект воплощен лишь в позиционировании ассоциации с ОПОП, что является традиционным проявлением действия «мягкой силы» Китая. Кроме непосредственного финансирования, страны получают от Китая поддержку в форме бизнес-решений, прогрессивных идей и технологий, товаров, обслуживания, транспорта, медикаментов, предоставления стипендий на обучение в Китае для студентов развивающихся стран, проведения медицинских консультаций и бесплатных операций, направления волонтеров для оказания экстренной гуманитарной помощи. Наиболее экономически уязвимые страны могут получить списание долга по государственному займу от Китая. Кроме этого, Китай, обладающий огромными инфраструктурными мощностями и к настоящему моменту реализовавший большую часть планов инфраструктурного развития, заинтересован и в экспорте связанных с развитием инфраструктуры производств на развивающиеся рынки [7].

Кроме «пояса и пути» существует менее известный проект Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), предполагающий формирование зоны свободной торговли между Китаем, странами АСЕАН и государствами-союзниками США (Республика Корея, Япония, Австралия) [8]. Аналогичным образом, судьба ВРЭП, в качестве китаеццентричного мега-регионального торгового соглашения с теллурократическими характеристиками, зависит от ее взаимодействия с Евразийским экономическим союзом. Несмотря на то, что соглашение ВРЭП было подписано в 2020 г., его подписание не означает, что в регионе Большой Восточной Азии было создано единое геоэкономическое пространство при отсутствии России и Индии. С

⁸ 中华人民共和国对外关系法// МИД КНР : офиц. сайт. URL : https://www.mfa.gov.cn/web/wjwb_673085/zfxgk_674865/zcfg/fl/202306/t20230628_11105189.shtml

⁹ Новый справедливый миропорядок формулировался в Пекине. Об итогах Третьего международного форума «Один пояс, один путь» // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2913>.

учетом тесных двусторонних отношений между РФ и Индией и традиционной дружбы России с странами АСЕАН и КНР, строительство Большого Евразийского партнерства откроет возможность создания пан-восточноазиатского экономического пространства.

Еще одной сущностью китайской инициативы выступает «Цифровой Шелковый путь». Председатель КНР Си Цзиньпин на первом Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в 2017 г. отметил, что новые финансовые технологии позволяют построить «цифровой Шелковый путь XXI века», который может стать ключевым элементом всей инициативы ОПОП [9].

В условиях американо-китайского технологического соперничества, КНР стремится диверсифицировать свои международные связи в цифровой сфере, усилить технологический потенциал национальных цифровых компаний, укрепить национальный «цифровой суверенитет», использовать свои конкурентные преимущества для привлечения зарубежных инвестиций в цифровой сегмент национальных экономик, активизировать свой транспортно-логистический потенциал благодаря внедрению технологий Четвертой промышленной революции, расширить сотрудничество в цифровой сфере с другими странами своих международных регионов, на трансрегиональном уровне [5].

Особую роль в конкуренции Китай — США играют взаимодействия на уровне элит, которые тесно связаны с США экономически, финансово и социально [4]. Китайское руководство настаивает, что необходимо продолжать рассматривать реальный сектор экономики как точку приложения усилий для развития экономики, содействовать индустриализации нового типа, ускорять процесс превращения Китая в ведущую мировую державу по уровню развития обрабатывающей промышленности, космонавтики, транспорта и сетевых технологий, по качеству продукции, форсировать создание «цифрового Китая».

Инициатива в мире, как было отмечено выше, воспринимается неоднозначно и ряд экспертов развивают идеи, согласно которым «будущее по-китайски» связывается именно с имперскими амбициями. Инициатива «пояса и пути» — это «стратегический и дипломатический мастерский ход Китая в его стремлении к гегемонии в регионе» [7]. Другие эксперты характеризуют Китай с точки зрения его влияния на ход евразийской интеграции как одновременно тактического союзника, наблюдателя и конкурента.

Автор имеет собственный взгляд на этот феномен и считает, что в таких взглядах *политический алармизм превалирует над коммерческим реализмом*, снять который можно углубляясь в понимание управленческой и политической логики Китая. В представлениях автора, китайские идеи лидерства в мире предполагают роль ведущего, впереди идущего, имеющего преимущество, поддерживающего развитие других стран, но не навязывающего свои паттерны развития другим и не допускающего в отношении себя директив [10]. «Мягкая сила», используемая Китаем, обладает азиатской спецификой, опирается на постулаты даосизма и конфуцианства, где мягкость считается не слабостью, а силой власти [11].

Основные идеи, являющиеся исходными данными китайских лидеров при принятии ими политических решений и объясняющие их логику:

1. Нельзя владеть всем миром, но можно получить преимущество;

2. Лидерство одного государства в политической логике Китая предполагает добровольное сотрудничество и не предполагает принуждение других своей воле;

3. Политики Китая стремятся к собственной выгоде, а не к поражению других;

4. Рациональное мышление мотивирует избегать войны, так как она невыгодна тому, кто ее ведет, что обходится дороже, чем мир;

5. Действующие в одиночестве всегда проигрывают хорошо организованным группам. Китайские политики стремятся к консолидации;

6. Стремление к глобальному лидерству всегда основано на собственном развитии, внутренняя политика создает основу для того, чтобы вырваться вперед при благоприятных внешних обстоятельствах;

7. В целях развития следует вести переговоры и заключать партнерства;

8. Всегда необходимо действовать из текущих обстоятельств, искать лучшее решение независимо от того, как сложились эти обстоятельства.

Повысить понимание этой политической логики китайских лидеров и стимулировать стратегический потенциал российско-китайского партнерства позволяет практика китайской стратегической игры «го» (вэйци). Игра позволяет научиться пониманию логики внешней политики Китая.

Роль БЕП в интеграционных процессах и перспективы сотрудничества

Центральная Азия продолжает оставаться местом столкновения интересов великих держав,

и эксперты практически сошлись во мнении, что «поворот России на Восток» является во многом исторической неизбежностью, к которой, тем не менее, Россия оказалась ментально не готова, развиваясь длительное время в парадигмах развития, которые в целом можно определить термином «вестернизация». А.Р. Гончаренко и А.В. Манойло отмечают, что регион интересен и для Запада: своим расположением (соседство с Россией, Китаем, Ираном, Афганистаном, выход к Каспийскому морю), ресурсами (гидроэнергия, ветряная и солнечная энергия, золото, нефть, газ, уголь, уран и др.). Авторы выделяют в качестве привлекающего фактора «недемократичность» региона, что является для США точкой распространения своего влияния, так как именно обосновывая необходимость выстраивать институт демократии по своему образцу, США вносят существенные социально-экономические и институциональные изменения, выстраивая политическую инфраструктуру для создания собственных выгод и достижения прагматичных интересов [4; 7].

Синергия России и КНР направлена на расширение концепта «Большой Евразии» с точки зрения экономических связей и решения самых актуальных задач региона, таких как безопасность и благосостояние. Такое взаимодействие предполагает реализацию конкретных совместных проектов. Самыми очевидными выступают инфраструктурные, особенно транспортно-логистические проекты, обеспечивающие географическую коммуникацию [12]. Некоторые эксперты связывают успехи китайского проекта «пояс и путь», Транспортного союза России, Индии и Ирана с сопряжением с Евразийским экономическим союзом [13]. Другие обращают внимание на целесообразность наличия «горизонтальных» связей людей в качестве органичных предпосылок, отмечая, что такие связи стимулируют функциональную и коммуникативную интеграцию [11].

Взаимодействие РФ — КНР долгие годы будет определяющим, целесообразно реализовывать потенциал сотрудничества и в других перспективных направлениях развития. Автор наблюдает сдержанное сопряжение инициатив в силу еще одного фактора — действуют методологические подходы к реализации замысла представителями исполнительной власти. Проекты БЕП и ОПОП сформированы не в конкретных количественных характеристиках, а в форме образа будущего результата («образ-цель»), что характерно для сферы международных отношений. Методо-

логия работы государственного аппарата обычно предполагает разработку государственной программы. Взаимодействие разработчиков программы (специалистов), как правило, сводится к «размежеванию» участков работы (подведомственность, сфера компетенций), нежели к «мозговому штурму», способному внести синергетический эффект в заложенную цель. С одной стороны, выступают международные специалисты и дипломатические сотрудники, чей кругозор позволяет оценить весь политический замысел, но не предполагает детализацию программы. С другой стороны, успешность проекта зависима от уровня компетентности специалистов узкого профиля, которые, обладая инструментарием, не имеют достаточного видения. Таким образом, организация деятельности, направленная на реализацию политического замысла, не отвечает современному темпу и образу жизни, что приводит к упущенным возможностям.

В качестве решения предлагается рассмотреть применимость *гибких (Agile) подходов* к реализации скоординированного формирования Большого евразийского партнерства и китайской инициативы «пояс и путь» в рамках мероприятий по созданию нового уникального результата и в целях непрерывного развития проекта. В 2019 г. впервые были выработаны методические рекомендации применения гибких подходов в проектном управлении органов государственной власти [14]. Основные четыре ценности манифеста Agile: люди и их взаимодействие важнее процессов и инструментов; работающий продукт важнее исчерпывающей документации; сотрудничество с заказчиком важнее согласований условий контракта; готовность к изменениям важнее, чем следование плану. Подходы Agile являются не конечным состоянием, а, скорее, образом мышления (mindset) и жизни¹⁰.

Международные проекты сотрудничества по своей природе являются венчурными проектами государства. Для них характерна зависимость от бесчисленного множества внутренних и внешних факторов, которые могут повлиять не только на достижение финального замысла лидеров, но и на саму возможность перейти от концепции к доктрине, сформулировать стратегию и разработать программу действий. Разработка программ, планов, дорожных карт предполагает согласование интересов огромного количества ведомств и конкретных людей (стейкхолдеров).

¹⁰ Что такое Agile-подход и зачем он нужен бизнесу? // Scrum Trek. URL : <https://scrumtrek.ru/blog/chto-takoe-agile-podhod-i-zachem-on-nuzhen-biznesu/>

При этом определенные позиции могут быть согласованы уже на первых этапах переговоров и не реализуются лишь в силу отсутствия общего утвержденного программного документа. Международная ситуация быстро меняется под воздействием внешних факторов, а нереализованные в конкретный промежуток времени проекты могут оказаться несостоявшимися во все при временном охлаждении двусторонних отношений под давлением других государств и создаваемых ими обстоятельств. Технология Agile позволяет начать воплощать согласованные проекты прямо сейчас.

Применение Agile-подхода так же солидарно с принципом *ad hoc*, уже используемым в международных проектах. То есть, для конкретных инициатив определяется круг уполномоченных на принятие решения и ресурсная база, *ad hoc* команда самостоятельно определяет сроки реализации проекта и выдает к этому сроку результат.

Используя Agile-подход, считаем целесообразным сосредоточиться на выявлении конкретных «точек сопряжения», способных стать драйверами развития и обеспечить относительно быстрые результаты кооперации. Если опираться при этом на приоритеты России в отношении Китая, закрепленные в части 51 Концепции внешней политики РФ¹¹, в которых особо важное значение отводится партнерству для достижения стратегических целей человечества и укреплению координации на международной арене в интересах обеспечения безопасности, стабильности, устойчивого развития, то перспективными представляются созидательные проекты в передовых высокоинтеллектуальных сферах, так как именно они создают высокую «добавленную стоимость» и имеют потенциал стать высоко востребованными в мире. В перспективе такие проекты могут создать новые смыслы и ассоциации с Россией и Китаем, перенаправить человечество в сторону выстраивания мирных, долгосрочных отношений. Такими «точками сопряжения» являются сферы цифровой экономики, искусственного интеллекта и экологии. Каждое из выделенных направлений ориентировано в будущее, что является устойчивой созидательной канвой для партнерства на пространстве «Большой Евразии».

¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

Сфера цифровой экономики и искусственного интеллекта: перспективы развития

Для России инициатива создания Большого Евразийского партнерства предполагает в том числе наращивание регионального сотрудничества в сфере цифрового развития (пункт 3 часть 54 Концепции ВП РФ)¹². В свою очередь, Китайская Народная Республика является абсолютным лидером по внедрению «умных» технологий в городскую среду. Широкий спектр применения систем искусственного интеллекта в КНР помогает обеспечивать безопасность в аэропортах и бороться с организованной преступностью, оптимизировать процессы транспортной логистики, что особенно актуально в условиях высокой плотности населения КНР [15].

С февраля 2014 г. Си Цзиньпин лично возглавляет Руководящую рабочую группу по кибербезопасности и информатизации, преобразованную позже в Центральную комиссию по кибербезопасности и информатизации [16]. Для более тесной связи информатизации с индустриализацией в процессе реформ было создано Министерство промышленности и информатизации [17].

Одной из перспективных сфер совместного цифрового развития может выступать сфера национальных цифровых валют. С одной стороны, Россия испытывает сложности с осуществлением международных расчетов в силу отключения от системы SWIFT. С другой стороны, Китай одним из первых начал работать в направлении разработки и интеграции национальной цифровой валюты, и существует пилотный проект по использованию цифрового юаня. В 2023 г. mBridge вошел в ряд важнейших проектов центральных банков по изучению вариантов использования цифровых валют для трансграничных расчетов. Проект обладает потенциалом широкого распространения в мире, так как позволяет сгладить асимметричность развития банковской среды в странах с развитой и развивающейся экономикой, компенсировать нехватку маршрутов денежных переводов, сокращает число посредников в осуществлении трансграничных платежей, устраняет фактор различных рабочих часов в цепочках денежных

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

переводов, а следовательно, обеспечивает высокую скорость таких операций [9].

В целях развития e-Government и его отдельных элементов на относительно раннем этапе интеграции их в жизнь населения, для сохранения контроля за сбором данных о гражданах России, населения государств-членов ЕАЭС внешним государством, предполагающим предоставление своих платформ, полагаем, что целесообразным для России будет подключение к проведению испытаний в сферах блокчейн-технологий, криптовалюты и использования искусственного интеллекта в данных сферах. Это способствует использованию передового опыта государства, достигшего одни из самых высоких результатов в указанных областях, и солидарно с целями обеспечения государственной безопасности. В то время как многие крупнейшие экономики мира лишь рассматривают возможность создания ЦВЦБ и использования цифровых средств для трансграничных расчетов, китайская экономика уверенно входит в число стран, наиболее развитых в этой области.

Важное место в повестке ЕАЭС занимает «цифровизация» прослеживаемости товаров, маркировка товаров и другие инструменты, позволяющие противостоять распространению контрафактной продукции. Проблема контрафакта особенно актуальна в контексте взаимоотношений с китайскими контрагентами. «Серый» китайский импорт часто попадает на единую таможенную территорию ЕАЭС через Киргизию. Он «оседает» на территории государств-членов ЕАЭС как «транзитный товар».

При этом, товарооборот между ЕАЭС и КНР высокий, стороны намерены его увеличивать, но все заинтересованы в легальном товарообороте (не только потребители, но и китайское правительство, так как поставляемый из Китая контрафакт не только составляет конкуренцию легально произведенным товарам, от продажи которого формируется налоговая база, но и снижает имидж Китая на мировой арене).

Использование блокчейн-технологий позволит контролировать всю логистическую цепочку поставки продуктов от производителя до конечного потребителя исключая возможность подмены нормальной продукции контрафактом. Кроме того, блокчейн-технология позволит значительно сократить транзакционные издержки, сократить использование бумажного документооборота, снизить затраты.

Для использования такого механизма необходима единая базовая платформа, которую ис-

пользовали бы все участники рынка. Разработка такой платформы целесообразна совместными усилиями государств-членов ЕАЭС и КНР в рамках сопряжения ЕАЭС и «пояса и пути». Создание платформы стало бы практической реализацией Соглашения об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Таможенного союза и Китайской Народной Республики от 6 июня 2019 г.

БЕП: экологический аспект и искусственный интеллект

Наблюдается возрастающее внимание к экологическим вопросам и повестке ESG. Здесь важно отметить, что рост интереса обусловлен сразу многими факторами, например: 1) естественным планетарным кризисом, вызванным развитием промышленности, ростом населения планеты, которые привели к увеличению экологического следа и необходимости принятия срочных мер и поиска новых решений для поддержания устойчивого развития человечества; 2) субъективным использованием экологической повестки для принятия политических решений и оказания экономического воздействия на государства в пользу иницилирующих других государств; 3) сменой культурной парадигмы поколений — современные люди, находясь в контексте активного обсуждения тематики и повышения информированности в вопросах экологии, обладают высокой экологической осознанностью и придерживаются образа жизни, солидарного со своей культурой и убеждениями.

На сегодняшний день реализация концепции устойчивого развития предполагает формирование и повышение корпоративной социальной ответственности, обеспечение защиты окружающей среды и рационализацию экономики с фокусом на первые два аспекта. Таким образом, можно говорить не только о гражданской, но и о корпоративной экологической осознанности; на смену концепции «коричневой» экономики пришла концепция «зеленой», которая не заменяет собой концепцию устойчивого развития, однако все более распространено признание того, что достижение устойчивости почти полностью зависит от создания адекватной экономики [18].

С методологических позиций реализация повестки в области устойчивого развития сводится к достижению 169 конкретных задач по 17 направлениям, представляющим собой план и призыв к действиям гражданского общества

и деловых кругов. С учетом сложности современных экономических процессов, тенденции удлинения цепочек добавленной стоимости, многокомпонентности аспектов, влияющих на результативное состояние окружающей среды (как природной, так и социальной), достижение целей устойчивого развития (ЦУР) ООН — сложная задача. Даже при высокой степени эффективности крайне сложно бывает охватить весь спектр бизнес-процессов и выйти на высокий уровень внедрения повестки ESG в реализацию повседневных задач без потерь, а в лучшем случае и с получением выгод и преимуществ от перехода к ESG-бизнес-модели.

Именно здесь задействование потенциала искусственного интеллекта (ИИ), способного охватить гораздо больше компонентов и их взаимосвязей при выработке ESG-решений, имеющего более длинный горизонт планирования (просчитывания шагов и их последствий), самообучаемого, не подверженного к утомляемости, выгоранию и зависимости от мотивации и убеждений, видится особенно перспективным. Согласно исследованиям, ИИ может помочь в достижении 79 % ЦУР ООН, может стать ключевым инструментом для развития экономики замкнутого цикла и создания умных городов, включая развитие экономики замкнутого цикла, вопросы изменения климата, техногенного воздействия (выбросы, сбросы, отходы), прогнозирование экстремальных погодных явлений, повышение эффективности возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и др. Таким образом, искусственный интеллект может стать ключевым инструментом для выстраивания системы разумного потребления ресурсов, сокращения и более эффективного управления отходами, создания более инклюзивного и социально справедливого общества [15], а следовательно, платформой для развития сотрудничества РФ — КНР.

Обратная сторона медали, над которой в настоящее время ведутся исследования — решение проблемы выбросов углекислого газа. Работа нейросетей требует все большего потребления энергии — по некоторым оценкам, обучение одной модели производит столько же углерода, сколько пять автомобилей за полный жизненный цикл [15]. Отсюда возникает и вторая научно-техническая перспектива — сосредоточить усилия передовых аналитических центров на снижении углеродного следа.

Более того, можно рассмотреть проекты ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока в новых условиях. Переориентация невозможна

без масштабной программы инфраструктурного строительства в Сибири и на Дальнем Востоке. Сотрудничество с Китаем создаст дополнительные бизнес-возможности в регионах приграничья, что может способствовать притоку населения [19]. В том числе, Россия является одной из наиболее выигрышных локаций для размещения инновационных дата-центров по развитию нейросетей — в силу наличия дешевой электроэнергии, прохладного климата на большей части территории.

***

Анализ перспектив российско-китайского сотрудничества в контексте БЕП позволяет сделать выводы о том, что у такого союза есть высокий потенциал, политические и исторические предпосылки. Важно отметить, что присутствует и опыт успешного выстраивания взаимодействия, так как исторически российское государство первым обрело свое представительство на землях Китая, способствовавшее взаимному развитию. Реализовывались выгодные для обеих стран отношения вплоть до советско-китайского раскола, возникшего не без участия внешних сил, намеренно разделяющих страны в виду собственных интересов мирового влияния.

Подобное внешнее влияние существует и сейчас. Оно известно политическим лидерам России и Китая, каждый из которых в своей манере противостоит этому воздействию на верховном уровне. Вместе с тем, необходимо использовать новые прагматичные возможности осуществления реальной политики. Одна из современных технологий, которая позволит России и Китаю на паритетных началах взять максимум выгод от сотрудничества — применение Agile-подхода. Перспективность применения Agile позволяет одновременно не принимать во внимание вопрос, обозначенный автором в начале статьи и остающийся открытым: являются ли проекты Большого Евразийского партнерства и «поояса и пути» паритетными или одна из инициатив в конечном счете интегрирует в себя другую.

Предлагается выявить актуальные «точки сопряжения». Перспективными представляются соиздательные проекты в передовых высокоинтеллектуальных сферах, так как именно они создают высокую «добавленную стоимость» и имеют потенциал стать высоко востребованными в мире. В конечном счете такие проекты могут создать новые проекты интеграции между Россией и Китаем, перенаправить человечество в сторону выстраивания мирных, долгосрочных отношений.

Список использованной литературы

1. Петровский В.Е. Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства» / В.Е. Петровский. — Москва : Изд-во ИДВ РАН, 2018. — 216 с.
2. Лузянин С.Г. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции большого евразийского партнерства / С.Г. Лузянин, А.Ф. Клименко. — DOI 10.24411/2618-6888-2019-10005. — EDN VMYUSS // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2019. — Т. 24, № 24. — С. 98–113.
3. Новиков Д.П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России / Д.П. Новиков. — DOI 10.17323/1996-7845-2018-03-05. — EDN ACPGXE // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2018. — Т. 13, № 3. — С. 82–96.
4. Столетов О.В. Роль экспертного сообщества России в развитии современной евразийской интеграции / О.В. Столетов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2017. — № 1. — С. 95–97.
5. Столетов О.В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества / О.В. Столетов — DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237. — EDN SYEGYC // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2022. — Т. 22, № 2. — С. 221–237.
6. Цинь Юйцай. Один пояс и один путь : комментарии. / Цинь Юйцай, Чжоу Гупин, Ло Вэйдун ; пер. с кит. Л. К. Станченко. — Москва : Шанс, 2017. — 279 с.
7. Гончаренко А.Р. Стратегия Китая в Центральной Азии на современном этапе / А.Р. Гончаренко, А.В. Манойло. — DOI 10.54398/1818510X_2023_3_189. — EDN OOUWUG // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2023. — № 3 (76). — С. 189–200.
8. Чжан Цзюньи. Строительство Большого Евразийского партнерства как влияющий фактор на интеграционный процесс в Восточной Азии / Чжан Цзюньи // Большое Евразийское партнерство: новые парадигмы и смыслы развития : междунар. науч.-практ. конф., Москва, 15–16 июня 2023 г. — Москва, 2023. — С. 332–338.
9. Данилова Е.А. Цифровые валюты в международных расчетах: проект mBridge / Е.А. Данилова, А.В. Маслов. — DOI 10.30680/EC00131-7652-2024-3-80-94. — EDN NWWIBM // ЭКО. — 2024. — № 3. — С. 80–94.
10. Данилова Е.А. Логика принятия управленческих решений представителями китайской политической и деловой элиты через призму философии китайской стратегической игры го. Часть II / Е.А. Данилова. — DOI 10.35775/PSI.2024.103.3.020. — EDN RHUGBJ // Вопросы политологии. — 2024. — Т. 14, № 3 (103). — С. 959–970.
11. Капицын В.М. Сравнительный анализ потенциала интеграционной политики государств на «Новом Шёлковом пути» / В.М. Капицын. — EDN VIRDMMD // Политическая наука. — 2015. — № 4. — С. 60–80.
12. Михалев А.В. Евразия с точки зрения Фуко / А.В. Михалев, К.К. Рахимов. — DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-1-98-111. — EDN TUMIRB // Россия в глобальной политике. — 2024. — Т. 22, № 1 (125). — С. 98–111.
13. Кротов М.И. Евразийская экономическая интеграция в новой глобальной реальности: системный подход и разрешение противоречий / М.И. Кротов, Л.Э. Слуцкий, О.И. Батистова. — EDN PFOGWV // Проблемы современной экономики. — 2020. — № 4 (76). — С. 6–14.
14. Навигатор цифровой трансформации: Agile-подход в государственном управлении / под ред. Е.Г. Потаповой. — Москва : Изд-во РАНХиГС, 2019. — 162 с.
15. Использование искусственного интеллекта в социально-политических процессах: к вопросу о тенденциях и проблемах / Е.Г. Кирсанова, Н.С. Горбунов, Е.А. Данилова, М.С. Саушкина. — DOI 10.35775/PSI.2024.106.1.013. — EDN SJSFKG // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2024. — Т. 14, № 1. — С. 125–141.
16. Шахматов В.В. Глубинная цифровизация евразийской интеграции / В.В. Шахматов. — EDN FNSQRX // X Международный форум «Евразийская экономическая перспектива», Санкт-Петербург, 1–2 дек. 2022 г. : сб. материалов / ред. И.А. Максимцев. — Санкт-Петербург, 2023. — С. 92–97.
17. Пиковер А.В. Ведущие тренды информатизации Китая / А.В. Пиковер. — EDN NQPEYB // X Международный форум «Евразийская экономическая перспектива», Санкт-Петербург, 1–2 дек. 2022 г. : сб. материалов / ред. И.А. Максимцев. — Санкт-Петербург, 2023. — С. 97–101.
18. Зенченко С.А. Развитие принципов «циклической экономики» в рамках большого Евразийского партнерства / С.А. Зенченко. — EDN GVZEAH // Большое Евразийское партнерство: стратегия и тактика : материалы Рос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 28-30 апр. 2022 г. — Москва, 2022. — С. 64–68.

19. Стратегическое партнерство России и Китая в условиях европейского кризиса : доклад / Т. Бордачев, В. Кашин, Н. Поташев [и др.] // Валдай : междунар. дискуссион. клуб. — 2022. — Сент. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/>.

References

1. Petrovsky V.E. *Russia, China and the Outline of the "Big Eurasian Partnership"*. Moscow, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 216 p.
2. Luzyanin S.G., Klimenko A.F. Cooperation Between Russia and China in the SCO on the Implementation of the Concept of the Great Eurasian Partnership. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istorii i sovremennost' = China in World and Regional Politics (History and Modernity)*, 2019, vol. 24, no. 24, pp. 98–113. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10005. EDN: BMYUSS.
3. Novikov D.P. Development of Multilateral Economic Institutions in Greater Eurasia: Problems, Prospects and Implications for Russia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 82–96. (In Russian). EDN: ACPGXE. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-05.
4. Stoletov O.V. The Role of the Russian Expert Community in the Development of Modern Eurasian Integration. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki = Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2017, no. 1, pp. 95–97. (In Russian).
5. Stoletov O.V. Strategies for Digital Development of Key States of the Global South in the Context of U.S.-Chinese Technological Rivalry. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik RUDN. International Relations*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 221–237. (In Russian). EDN: SYEGYC. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237.
6. Qin Cai, Zhou Gopin, Luo Weidong. *One Belt and One Way*. Moscow, Shans Publ., 2017. 279 p.
7. Goncharenko A.R., Manoilo A.V. China's Strategy Toward Central Asia at the Present Stage. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2023, no. 3, pp. 189–200. (In Russian). EDN: OOUWUG. DOI: 10.54398/1818510X_2023_3_189.
8. Zhang Junyi. Construction of the Greater Eurasian Partnership as an Influencing Factor on the Integration Process in East Asia. *Greater Eurasian Partnership: New Paradigms and Meanings of Development. International Scientific and Practical Conference, Moscow, June 15–16, 2023*. Moscow, 2023, pp. 332–338. (In Russian).
9. Danilova E.A., Maslov A.V. Digital Currencies in International Settlement: the MBridge Project. *EKO = ECO*, 2024, no. 3, pp. 80–94. (In Russian). EDN: NWWIBM. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-80-94.
10. Danilova E.A. The Logic of Governance Decision-Making by Representatives of the Chinese Political and Business Elite through the Prism of the Philosophy of the Chinese Strategic Game of Go Part II. *Voprosy politologii = Political Science Issues*, 2024, vol. 14, no. 3, pp. 959–970. (In Russian). EDN: RHUGBJ. DOI: 10.35775/PSI.2024.103.3.020.
11. Kapitsyn V.M. Comparative Analysis of Integration Potential of the States on the "New Silk Road". *Politicheskaya nauka = Political Science*, 2015, no. 4, pp. 60–80. (In Russian).
12. Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. Eurasia in the Foucault Perspective. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2024, no. 22, no. 1, pp. 98–111. (In Russian). EDN: TUMIRB. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-98-111.
13. Krotov M.I., Slutsky L.E., Batistova O.I. Eurasian Economic Integration in the New Global Reality: Systemic Approach and Resolution of Contradictions (Russia, St. Petersburg, Moscow). *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2020, no. 4, pp. 6–14. (In Russian). EDN: PFOGWV.
14. Potapova E.G. (ed.). *Digital Transformation Navigator: Agile Approach in Public Administration*. Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2019. 162 p.
15. Kirsanova E.G., Gorbunov N.S., Danilova E.A., Saushkina M.S. Utilization of Artificial Intelligence in Social and Political Process: on the Topic of Trends and Issues. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii = Issues of National and Federative Relations*, 2024, vol. 14, no. 1, pp. 125–141. (In Russian). EDN: SJSFKG. DOI: 10.35775/PSI.2024.106.1.013.
16. Shakhmatov V.V. Deep Digitalization of Eurasian Integration. In Maksimtsev I.A. (ed.). *10th International Forum "Eurasian Economic Perspective", Saint Petersburg, 1–2 December 2022*. Saint Petersburg, 2023, pp. 92–97. (In Russian). EDN: FNSQRX.
17. Pikover A.V. China's Leading Informatization Trends. In Maksimtsev I.A. (ed.). *10th International Forum "Eurasian Economic Perspective", Saint Petersburg, 1–2 December 2022*. Saint Petersburg, 2023, pp. 97–101. (In Russian). EDN: NQPEYB.

18. Zenchanka S.A. The Development of the Circular Economy Principles in Large Euroasian Partnership. *Great Eurasian Partnership: Strategy and Tactics. Materials of the Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, Moscow, April 28–30, 2022*. Moscow, 2022, pp. 64–68. (In Russian). EDN: GVZEAH.

19. Bordachev T., Kashin V., Potashev N., Prokhin E., Smirnova V., Yankova A. Strategic Partnership Between Russia and China in the Context of the European Crisis. *Valdai. International Discussion Club*. 2022. September. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/>.

Информация об авторе

Данилова Елена Андреевна — советник государственной гражданской службы Российской Федерации 2 класса, аспирант, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, ElenDanilova@vivaldi.net, <https://orcid.org/0009-0000-4682-1304>.

作者信息

Elena A. Danilova — 俄罗斯联邦国务二级顾问, 研究生, 政治学系, 莫斯科国立大学, 莫斯科市, 俄罗斯联邦, ElenDanilova@vivaldi.net, <https://orcid.org/0009-0000-4682-1304>.

Author

Elena A. Danilova — Adviser of the State Civil Service of the Russian Federation, 2nd class, PhD Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ElenDanilova@vivaldi.net, <https://orcid.org/0009-0000-4682-1304>.

Для цитирования

Данилова Е.А. Перспективы российско-китайского сотрудничества в контексте Большого Евразийского партнерства / Е.А. Данилова. — DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(4).305-317. — EDN VTDEQM // Российско-китайские исследования. — 2024. — Т. 8, № 4. — С. 305–317.

For Citation

Danilova E.A. Prospects for Russian-Chinese Cooperation in the Context of the Greater Eurasian Partnership. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 305–317. (In Russian). EDN: VTDEQM. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(4).305-317.